

*ДЕМИН Илья Вячеславович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Автор более 150 научных публикаций**

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГУСТАВА ШПЕТА: НА ПУТИ К «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ» ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ¹

В статье анализируется трактовка исторического познания в герменевтической феноменологии Густава Шпета. Особое внимание уделяется проводимому Шпетом различению двух типов рефлексии – «положительной» и «отрицательной» философии. Показано, что данное различие имеет существенное значение для самоопределения философии истории как дисциплины в современном – постметафизическом – контексте. Суть «отрицательной» философии, согласно Шпету, состоит в том, что все многообразие философских проблем редуцируется к теории и методологии научного познания, а философия как таковая отождествляется с философией науки. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в неокантианстве. В качестве продуктивной альтернативы методологизму неокантианства Шпет выдвигает проект обновления «первой философии», в рамках которого философия истории переосмысливается в феноменолого-герменевтическом ключе. В статье выявляются основные аргументы, выдвигаемые Шпетом против философии истории Генриха Риккерта. Руководствуясь принципом логического единства науки, Шпет отвергает присущий концепции Риккерта методологический дуализм. В трактовке Риккерта философия истории сводится к логике исторического познания и методологии исторической науки, а последняя, в свою очередь, ставится в зависимость от аксиологии. Шпет же настаивает на принципиально иной трактовке указанных дисциплин: основную задачу философии он усматривает в предваряющем раскрытии истории как специфической действительности, в экспликации «идеи истории», конститутивной для области исторического бытия. Критика Шпетом философско-исторической концепции Риккерта не означает возврата к «докритическим» наивно-спекулятивным историософским построениям, характерным для мыслителей французского Просвещения. Решающий момент, отличающий философию истории Шпета от классических теорий исторического процесса, – трактовка исторической реальности как реальности семиотической и герменевтической, т. е. подлежащей пониманию и интерпретации. Предложенная Шпетом трактовка исторического познания,

¹Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-13-63001 «Философские основания семиотики истории» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 года).

*Адрес: 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: ilyadem83@yandex.ru

Для цитирования: Демин И.В. Герменевтическая феноменология Густава Шпета: на пути к «положительной» философии истории // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 2. С. 103–115. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.103

соотношения философии и логики истории органично вписывается в идейный контекст онтологического поворота и может быть поставлена в один ряд с концепциями Гуссерля, Хайдеггера, Гадамера.

Ключевые слова: философия истории, историческое познание, герменевтическая феноменология Шпета, онтологический поворот, философская герменевтика, семиотика истории.

Первые два десятилетия XX века прошли под знаком почти безраздельного господства в европейской философии методологизма разных мастей (см.: [1, с. 83–107; 2, с. 455–458]). Суть методологизма как философской установки заключается в отрицании самостоятельного значения философии, в ограничении ее предметного поля и компетенции преимущественно (если не исключительно) методологическими вопросами, областью теории познания и философии науки. Наиболее мощными ответвлениями на древе методологизма в конце XIX – начале XX века были *позитивизм* и *неокантианство*. Негативной реакцией на односторонний сциентизм и методологизм официальной, академической философии стал всплеск интереса к иррационалистическим и виталистическим доктринам, представленным в различных направлениях философии жизни, а также религиозно-философский ренессанс. В этих условиях проходило формирование феноменологии как нового философского направления, представители которого стремились, с одной стороны, отстоять собственное предметное поле философии, а с другой – сохранить за ней статус научно-теоретического знания. Таков исходный замысел как рефлексивной феноменологии Гуссерля, так и герменевтической феноменологии Густава Шпета [3, 4].

Различение «положительной» и «отрицательной» философии в концепции Густава Шпета. Проводимое Шпетом различение двух типов рефлексии – «положительной» и «отрицательной» философии – представляет интерес не только как одна из многочисленных попыток

типологии философских концепций, но и как способ построения оригинальной версии феноменологии. Это различение имеет значение не только для историко-философских изысканий, но и для понимания путей развития феноменологической философии и философской герменевтики в XX веке.

Различение «положительной» и «отрицательной» философии Шпет проводит в труде «История как проблема логики», впервые опубликованном в 1916 году, хотя основания для размежевания двух типов философской рефлексии были положены им еще в работе «Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы» (1914)², в которой даются разбор и критика системы трансцендентального идеализма Э. Гуссерля и намечается проект герменевтического поворота.

«Положительная» и «отрицательная» философия – две линии, две традиции в истории западной философии, каждая из которых берет свое начало еще в античности. В самом общем смысле под «отрицательной» философией Шпет понимает такой тип философской рефлексии, при котором акцент переносится с рассмотрения *познаваемого* (т. е. действительности) на анализ самого *процесса познания* и его результатов. Прообраз всякой «отрицательной» философии Шпет усматривает в древнегреческой софистике: «Софистика начинает с отрицания, с отрицательного утверждения по отношению к подлинно существующему, с провозглашения его иллюзорности»³. Однако греческая мысль смогла преодолеть «негативность» софистики, придя (в лице Сократа и Платона) к подлинной,

²Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. Томск: Гермес, 1996. 192 с.

³Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 1. Материалы. М.; СПб.: Унив. кн., 2014. С. 18.

т. е. *положительной* философии. «Положительная» философия понимается Шпетом как чистое знание, предметом которого выступает область последних оснований и абсолютных начал. Версию «положительной» философии, разрабатываемую Шпетом, можно интерпретировать как платонизм, прочитанный в феноменологическом ключе [5, с. 199–214].

Философию Канта и неокантианцев Шпет квалифицирует как форму современной софистики. Однако в отличие от наивной софистики Протагора «софистика» Канта не просто отрицает, а *имитирует утверждение*. Именно в кантианстве и неокантианстве Шпет видит наибольшую опасность для подлинной философии, главное препятствие на пути ее возрождения⁴. Кантовский критицизм, который заводит философию в тупик, воспринимается Шпетом как *вызов*, на который должен быть найден адекватный, соразмерный ответ.

Термин *отрицательная философия* является собирательным и используется Шпетом для обозначения самых разных (подчас несовместимых) философских установок, учений, концепций. Так, к «отрицательной» философии помимо софистов, Канта и неокантианцев Шпет относит Локка, Кондильяка, а также позитивистов и материалистов XIX века⁵. Прообраз же всякой «положительной» философии Шпет усматривает в учении Платона. Следовательно, философия Платона и философия Канта – это парадигмальные образцы «положительной» и «отрицательной» философии соответственно. Как справедливо замечает В.Г. Кузнецов, у Шпета деление философии на «положительную» и «отрицательную» «зависит от преобладания элементов платонизма

в первой и элементов кантианства во второй» [6, с. 381].

Трудность выведения обобщающей, суммарной характеристики «отрицательной» философии связана с тем обстоятельством, что «не может быть такого знания или такой философии, которые состояли бы из одного только чистого отрицания»⁶, а всякое отрицание влечет за собой «неопределенное количество ограничивающих утверждений»⁷, в силу чего различные направления «отрицательной» философии иногда вступают в контрадикторные отношения. В связи с этим Шпет предпочитает говорить не о «положительной» и «отрицательной» философии, но о философии *преимущественно* положительной и *преимущественно* отрицательной⁸. «Положительная» и «отрицательная» философия – не столько конкретные философские концепции, сколько два *противоположных полюса*, к которым так или иначе тяготеет все многообразие школ и направлений западной философии.

Наиболее общий признак всех видов «отрицательной» философии – отказ от самой идеи *непосредственной данности*, будь то данность интуиции, внутреннего опыта или откровения⁹. В таком отрицании Шпет видит неспособность решать важнейшую проблему («положительной») философии. «Отрицательная» философия исходит из того, что вся «действительность есть только кажущееся, и ничто в ней не дано непосредственно как существующее»¹⁰. Действительность в горизонте «отрицательной» философии мыслится как проявление непознаваемой «вещи-в-себе».

Для «отрицательной» философии характерно, что субъект, будучи *частью* действительности,

⁴Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 18.

⁵Там же. С. 31.

⁶Там же. С. 28.

⁷Там же.

⁸Там же. С. 23.

⁹Там же. С. 29.

¹⁰Там же.

не только выделяется из ее состава в качестве своего рода «привилегированного» сущего, но и *противопоставляется* ей. Именно этот смысл Шпет вкладывает в термин «субъективизм», рассматривая его в качестве сущностной характеристики «отрицательной» философии как таковой. Но «всякий субъективизм в философии, – будь то субъективизм психологический или трансцендентальный, или иной, – есть софистика и *privatio*»¹¹.

Несмотря на засилье методологизма, позитивизма и релятивизма, «положительная» философия «в отдельных своих представителях никогда не прекращала своей утверждающей деятельности»¹². То, что Шпет называет «положительной» философией, не следует рассматривать в качестве изобретения и нововведения. «Положительная» философия фактически становится синонимом *философии как таковой*, философии, соответствующей своему подлинному предназначению. Данный тезис перекликается с мыслью Хайдеггера, высказанной в «Основных проблемах феноменологии»: онтология не является одной из философских дисциплин наряду с другими, но философия по самой своей сути всегда *онтологична* [7, с. 13]. Примечательно, что в работе «История как проблема логики» Шпет прямо называет философию истории (историософию) «онтологической дисциплиной»¹³.

Критика историософской концепции Риккерта с позиций феноменологической герменевтики. Различение «положительной» и «отрицательной» философии в концепции Шпета имеет общетеоретическое и общеметодологическое значение, гипотетически оно может быть применено к любой области философской рефлексии, ко всякой философской дисциплине. В настоящей статье мы ограничимся сферой философии истории и попытаемся связать данное различие с наиболее значимыми тенденциями развития философско-исторического знания

в XX веке (речь идет о концептуально-методологических трансформациях, обозначаемых в исследовательской литературе как онтологический, лингвистический и герменевтический повороты).

В качестве примера «отрицательной» философии Шпет рассматривает неокантианскую историософскую концепцию, которая была намечена Генрихом Риккертом в работе «Границы естественнонаучного образования понятий» (1902) [8] и вызвала широкую дискуссию как в отечественной, так и западной (преимущественно немецкоязычной) философии. Философско-историческая концепция Риккерта, с одной стороны, имела ярко выраженную антинатуралистическую направленность, а с другой – стала одной из первых попыток преодолеть классическую (спекулятивную) историософию гегелевского типа [9, с. 65–82].

В философии истории Риккерта Шпет усматривает проявление господствующего способа философского осмысления, характерными чертами которого выступают субъективизм, «привативность» и даже своеобразный «прагматизм» (в том смысле, что Риккерт вслед за Кантом утверждает примат практического разума).

Задача сопоставления различных историософских концепций существенно осложняется тем обстоятельством, что зачастую в такие выражения, как «философия истории», «логика истории», «методология истории», «теория истории», разными авторами вкладывается различный смысл. Так, и для Риккерта, и для Шпета отправным пунктом становится *логика истории*, составляющая основу методологии исторического познания. Однако нельзя не заметить, что выражение «логика истории» у Риккерта и Шпета имеет неодинаковый смысл. Риккерт ставит задачу разработки особой логики образования исторических понятий, отличной от традиционной логики и методологии естествознания, тогда как Шпет исходит

¹¹Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 20.

¹²Там же. С. 19.

¹³Там же. С. 34.

из постулата логического единства науки, что, впрочем, не исключает методологического своеобразия отдельных научных дисциплин. Еще более важным представляется то обстоятельство, что Шпет вообще отрицает саму идею «формальной» логики. Всякая логика содержательна, в том смысле что понятие «должно мыслиться вместе со своим коррелятом»¹⁴. Понятия, изучаемые логикой, не беспредметны, но всегда предметны. Различие между понятиями логики и понятиями частных наук состоит лишь в том, что понятия логики («род», «вид», «определение» и т. д.) соотношены не с той или иной конкретной сферой бытия, но с предметностью как таковой.

Шпет ставит под сомнение утверждаемый Риккертом примат логики по отношению к философии истории, ссылаясь на то, что заниматься изучением истории, равно как и философией истории (в смысле построения различных «спекулятивных» теорий исторического процесса), можно и без предварительной проработки логических вопросов исторического познания. «Логика, – пишет Шпет, – прежде всего для себя освещает пути исторического, как и всякого другого познания. История же и философия истории делают свое дело и тем только и доставляют материал для самой логики»¹⁵. Данный тезис не следует понимать в том смысле, что логика и методология исторического познания представляют собой что-то вторичное по отношению к конкретно-историческому познанию или масштабным историософским построениям (философии истории спекулятивного типа, создающей картины «всемирной» истории), скорее, мысль Шпета состоит в том, что между *логикой истории* и *онтологией исторического* существует гораздо более тесная связь, нежели то допускала трансцендентально-критическая философия Канта и неокантианцев.

Шпет отвергает логико-методологический дуализм концепции Риккерта. Из того, что в исто-

рическом познании не используется номологический метод объяснения, не следует, что единственная возможность утвердить статус истории как науки – это привязать историческое повествование к «ценностям». «Риккерту кажется, – замечает Шпет, – что если история не устанавливает естественнонаучных законов, то значит нужно обратиться к “ценностям”. Но неизвестно, почему объяснительная теория должна принять форму установления закона?»¹⁶ Номологическое объяснение – не единственная возможная форма научного объяснения и не единственный путь построения научной теории.

Подвергая критике спекулятивные теории исторического процесса (как натуралистического, так и спиритуалистического и теологического толка), Риккерт отказывается от поиска каких-либо внутренних факторов исторических изменений и, соответственно, отвергает наличие в истории имманентных оснований для построения теорий. Единственным основанием для упорядочивания исторических фактов и структурирования фактического материала выступают трансцендентные ценности. Шпет усматривает источник риккертовского отрицания имманентных факторов исторического процесса в характерном для Канта и неокантианцев понимании категории причины. Причинность рассматривается как способ упорядочивания явлений человеческим рассудком, причем каузальная модель объяснения оказывается релевантной наукам о природе, но иррелевантной наукам о культуре. Критика Шпетом философско-исторической концепции Риккерта не означает возврата к «докритическим» наивно-спекулятивным историософским построениям, характерным для мыслителей французского Просвещения (Вольтер, Кондорсе). Скорее, следует определить позицию Шпета в области философии истории как «посткритическую» и герменевтическую.

¹⁴Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 45–46.

¹⁵Там же. С. 56.

¹⁶Там же. С. 57.

Специальному критическому разбору Шпет подвергает центральное понятие историософской концепции Риккерта – *ценность*. Шпет отмечает, что понятие ценности в философской концепции Риккерта двусмысленно. С одной стороны, историческая наука имеет дело с культурными ценностями, используя их в качестве инструмента упорядочивания эмпирического материала, с другой – сама наука является одной из ценностей культуры. Четкого различия между этими двумя типами ценностей в концепции Риккерта не проводится.

С понятием ценности Шпет связывает еще одну важную особенность «отрицательной» («привативной») философии, а именно *примат практического разума над теоретическим*. В сфере философии истории данная презумпция находит яркое выражение в предложенной Риккертом интерпретации *идеи прогресса*. В своей трактовке прогресса Риккерт идет по пути, намеченному еще Кантом в его знаменитой статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) [10]. С точки зрения кантовской и неокантианской философии никакого объективного и имманентного прогресса в истории быть не может. Прогресс мыслим лишь как постулат практического разума. Идея прогресса у Риккерта суть *ценностная* идея, прогресс – не что иное, как *возрастание ценности*, а суждения о прогрессе – это ценностные и оценочные суждения. Фактически идея прогресса в контексте риккертовской философии истории приобретает статус *идеала* и *регулятива*, служащего ориентиром для человеческих действий.

Такая трактовка идеи прогресса позволяет Риккерту избежать исторического релятивизма, однако, как показывает Шпет, эта цель достигается дорогой ценой: ценой игнорирования исторических фактов и реальных практик историописания. Суждения о прогрессе, согласно Шпету, совсем не обязательно предполагают отсылку к трансцендентным историческому процессу ценностям и идеалам: «Представить

себе прогресс без внешних критериев ценности вовсе не трудно, допуская измерения имманентного, внутреннего порядка, где критерием является непосредственное сравнение каждого двух последующих моментов; в таком случае легко обойтись даже без “идеала”»¹⁷.

Шпет показывает, что предметом философии истории, по Риккерту, выступает не историческая действительность, но «идея истории», содержанием которой оказываются *культурные ценности*. Шпет соглашается с тем, что предметом философии истории является «идея», однако «идею» он понимает не в кантовском, а платоновском смысле. Речь идет не о *регулятивных* идеях (идеалах), выполняющих функцию ориентиров познавательной и практической деятельности человека, но об идеях, *конститутивных* для той или иной области действительности. «Платоновская идея может быть объясняющим началом, может раскрываться в историческом прогрессе, может быть имманентной силой в истории, и философия истории, как учение о ней, есть теория познаваемого во всяком случае»¹⁸. Регулятивные идеи в неокантианстве Риккерта суть *ценности культуры*. Однако если в концепции Риккерта ценности выводятся за пределы какой-либо действительности, в т. ч. и действительности исторической (ценности не *существуют*, но *значат*, «сущность ценности заключается в ее значимости» [11, с. 464]), то Шпет рассматривает ценности как *имманентные* самой действительности.

Суть риккертовской концепции Шпет выражает следующим образом: философия истории как теория *исторической реальности* сводится к логике *исторического познания* и методологии *исторической науки*, а последняя, в свою очередь, ставится в зависимость от аксиологии, теории ценностей. Последовательное утверждение примата практического разума, согласно Шпету, должно было побудить Риккерта сделать еще один шаг: от аксиологии к этике,

¹⁷Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 58.

¹⁸Там же. С. 61.

в которой кантовская философия находит свои «последние основания и первые предпосылки»¹⁹. В этом, согласно Шпету, состоит главный парадокс «отрицательной» философии: начиная с утверждения *приоритета логики и теории познания*, она с неизбежностью заканчивается отрицанием автономии познавательной деятельности, подчинением познания практическим и моральным целям.

В целом Шпет видел в неокантианстве «неблагоприятную почву для логики исторической науки»²⁰ и полагал, что неокантианская философия истории Риккерта ставит нас перед ложной дилеммой: «...или признать, что существующая логика недостаточна для истории, как науки, или признать, руководясь определениями существующей логики, что история не есть наука»²¹. Вместо того чтобы соглашаться с одной из обозначенных альтернатив, необходимо восполнить существующие недостатки современной логики, сделав ее пригодной для обоснования методологии исторического познания.

Ключевой момент, определяющий различие двух концепций, состоит в следующем: Риккерт ориентировался на логический анализ наличных форм исторического познания (для него не существует истории как реальности за пределами исторической науки и сложившихся практик историописания), тогда как Шпет усматривал основную задачу философии истории в предваряющем раскрытии истории *как специфической действительности*, в экспликации «идеи истории», конститутивной для области исторического бытия.

Разграничение предметных областей исторической науки, философии истории и логики исторического познания в герменевтической феноменологии Шпета. Вопрос о соотношении исторической науки, философии истории, логики и методологии исторического познания является ключевым для понимания сущности

и специфики исторического познания и решается по-разному в контексте различных философских направлений. В работе «История как проблема логики» Шпет уделяет этому вопросу самое пристальное внимание.

В своем противостоянии субъективизму и методологизму неокантианской философии Шпет последовательно придерживается тезиса о том, что философия в исходном смысле есть *теория познаваемого*, а не *теория познания*. Из этого вытекает принципиальное положение: *философия истории* как теория (исторической) действительности и *историческая наука* имеют дело с *одним и тем же* предметом, с одной и той же областью бытия, однако данные дисциплины рассматривают эту область по-разному. «Действительность в некоторой своей спецификации является предметом науки истории и философии истории, один раз в его эмпиричности, другой – в его идеальности. История и философия истории, следовательно, каждая по-своему, изображают этот предмет, выражают его»²². Философия истории, таким образом, в своем исходном виде есть *онтология* (учение об историческом бытии), а не теория познания.

Означает ли данный тезис возврат к историософии спекулятивного типа, которая в начале XX века была подвергнута всесторонней критике не только неокантианцами, но и такими философами, как Б. Кроче и В. Дильтей? Можно ли поставить знак равенства между философией истории, как понимает ее Шпет, и традиционной теорией исторического процесса? На оба вопроса следует ответить отрицательно. Философия истории по сравнению с конкретно-историческим исследованием не является всего лишь более масштабным повествованием. Различие между философией истории и исторической наукой *не сводится* к тому, что первая стремится дать картину «всей» истории (всемирной истории, Истории с большой буквы), тогда как

¹⁹Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 61.

²⁰Там же. С. 57.

²¹Там же. С. 47.

²²Там же. С. 62.

вторая всякий раз имеет дело с каким-то фрагментом исторического прошлого. Тезис о том, что философия истории имеет дело с исторической действительностью в ее «идеальности», предполагает постановку вопроса о *сущности исторического*, о самой «идее истории», с той существенной оговоркой, что «идею» здесь следует понимать в платоновском смысле – как конститутивное, сущностное начало. Для Шпета ответ на этот вопрос не может лежать в плоскости *логики и методологии познания*, как это было в философско-исторической концепции Риккерта. Напомним, что история для Риккерта – это действительность, рассмотренная сквозь призму индивидуализирующего метода. Согласно Шпету, философия истории не сводится ни к теории исторического познания, ни к простому обобщению данных исторической науки. Философию истории нельзя понимать как всего лишь синтез более высокого порядка по сравнению с конкретно-историческим исследованием. Философия истории представляет собой один из аспектов *онтологии*, «первой философии», переосмысленной в феноменологическом и герменевтическом ключе.

Задача философии истории как *онтологии исторического*, по мнению Шпета, состоит в «имманентном раскрытии смысла самого предмета»²³ и не может ограничиваться привнесением в историю внешних (по отношению к самой исторической действительности) точек зрения. Различные частные точки зрения на исторический процесс, представленные в классической философии истории XVIII и XIX веков, согласно Шпету, не должны возводиться в ранг общего объяснительного принципа всего исторического. Философия истории, будучи *онтологической* дисциплиной, не может быть сведена к ответу на вопрос, чем является история с точки зрения религии, развития нравствен-

ности, прогресса разума и т. д. В этом пункте Шпет отмежевывается не только от спекулятивных теорий всемирной истории, но и от так называемой критической философии истории, представленной в неокантианстве Риккерта и ряде других концепций (в концепции Риккерта история определяется и интерпретируется с *одной* из частных точек зрения – с точки зрения аксиологии, теории ценностей).

Обратимся теперь к вопросу о соотношении философии истории и логики исторического познания в концепции Шпета. Для «негативной» философии, как видит ее Шпет, характерно «перенесение философского интереса с проблем действительности на изучение самого субъекта»²⁴, при этом «пути познания понимаются как субъективные пути»²⁵, а «вследствие отрицания и самого предмета, как предмета действительного мира, для философского изучения ничего не остается кроме изучения одних только путей или методов»²⁶. В этом случае философия сводится к логике и методологии. Философия как таковая полностью отождествляется с *философией науки*, она более не имеет дела с самой действительностью, но только с действительностью как *предметом научного познания*. Философия природы сводится к *теории естествознания*, а философия истории – к *логике образования исторических понятий и методологии исторического познания*. Этой субъективистской трактовке философии Шпет противопоставляет тезис о зависимости логики и методологии от «первой философии».

В общем виде вопрос о соотношении логики и философии решается Шпетом следующим образом: логика не может рассматриваться в качестве исходной и самостоятельной философской дисциплины, философия (онтология, «теория действительности») «дает логике указание на вид и бытие предмета»²⁷. Применительно

²³Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 39.

²⁴Там же. С. 30.

²⁵Там же.

²⁶Там же.

²⁷Там же. С. 62.

к области исторического познания это означает, что «логика исторической науки есть наука о форме выражения исторической науки»²⁸. Логика как дисциплина не дает ответа на вопрос о том, что является конститутивным для исторической действительности как таковой, однако проработка логических проблем исторического познания невозможна без предварительного изучения и решения данного вопроса.

В труде «История как проблема логики» Шпет не устает повторять, что философия истории, как и историческая наука, имеет дело с самой *исторической действительностью*, тогда как логика истории – с *историческим познанием*: «Логика истории есть логика истории как науки; философия истории есть философия истории как эмпирической действительности»²⁹; «Эмпирическая история как наука имеет дело только с “вещью” в ее эмпирической установке, как бы мы эту вещь ни определяли, логика и методология имеет дело с самой этой наукой, и притом не в эмпирической, а идеальной установке»³⁰. Однако философия истории и логика истории – не две самостоятельные дисциплины, скорее, логику следует рассматривать как производное от философии (теории действительности). При этом, оппонировав Риккерт, Шпет подчеркивает, что логика истории не есть какая-то особая логика, отличная от логики естествознания, логика истории не отрицает логику как таковую, но является одной из ее спецификаций.

Решающий момент, отличающий философию истории Шпета от классических теорий исторического процесса спекулятивного типа (христианской, гегелевской, марксистской), – трактовка исторической реальности как реальности *семиотической* и *герменевтической*, т. е. подлежащей пониманию и интерпретации.

Именно в феномене понимания («уразумения») Шпет усматривает источник социальности как таковой. В отличие от Дильтея Шпет не противопоставляет герменевтические стратегии понимания и интерпретации процедуре *объяснения*: «Было бы неправильно думать, будто наука истории ограничивает свои задачи только пониманием и интерпретацией, т. е. обходится без выполнения того логического требования, которое предъявляется ко всякой эмпирической науке и которое называется объяснением или составлением теории»³¹.

Вопрос о значении концепции Шпета для семиотически и герменевтически ориентированной методологии социально-гуманитарного познания уже неоднократно оказывался в поле зрения отечественных исследователей [12, 13]. В контексте данной статьи достаточно будет отметить предложенную Шпетом трактовку истории как «науки герменевтической», а логики истории – как логики герменевтической. Как показывает Дж. Оттавиано, «первостепенная важность понимания, на котором основывается интерпретация, превращает герменевтику в науку первостепенной важности по сравнению с логикой, и сама логика должна развиваться в “герменевтическую”» [14, с. 71].

Вопрос о соотношении и взаимозависимости семиотики и герменевтики в философско-исторической концепции Шпета требует отдельного рассмотрения. Мы ограничимся лишь общим замечанием относительно природы исторического познания, которое содержится в работе Шпета: история как наука «начинает с утверждения, что то, что ей дано, есть только знак»³². В настоящее время тезис о том, что историк имеет дело со знаками и связными последовательностями знаков (текстами), звучит вполне тривиально и мало кем ставится

²⁸Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 62.

²⁹Там же. С. 54.

³⁰Там же. С. 53.

³¹Там же. С. 34.

³²Там же. С. 33.

под сомнение, однако далеко не всегда из этого тезиса извлекаются все логические и методологические следствия. Стремление извлечь все выводы из тезиса о семиотической природе исторической реальности и герменевтическом характере исторической науки лежит в основании такого направления, как семиотика истории [15, с. 5–11].

Переосмысление понятий «историческая реальность», «исторический факт», «историческое объяснение» в свете философской герменевтики было лишь в общих чертах намечено Шпетом в труде «История как проблема логики». Детальная же проработка ключевых вопросов и понятий герменевтически ориентированной философии истории в XX веке осуществлялась такими философами, как М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, О.Ф. Больнов, П. Рикер. Ссылок на «Историю как проблему логики» в их исследованиях мы не найдем, тем не менее именно Шпета наряду с Дильтеем можно считать родоначальником герменевтической философии истории и герменевтической логики как науки о «методах и правилах понимания смысла знаково-символических систем» [16, с. 47].

Переосмысление дисциплинарного статуса философии истории в герменевтической феноменологии Шпета можно рассматривать как один из эпизодов в рамках более масштабного проекта трансформации философского знания, суть которого обычно фиксируется с помощью термина «онтологический поворот» [17].

В XX веке попытки возродить онтологию («положительную» философию как *теорию познаваемого*) были связаны по преимуществу с феноменологическим и феноменолого-герменевтическим направлениями. Так, Гуссерль в «Идеях к чистой феноменологии» (1913) вводит понятие «региональной онтологии» в рамках феноменологического проекта «реформы наук». Региональная онтология определяется Гуссерлем как эйдетическая (*априорная*) наука, предметом исследования которой выступают априорные понятия, лежащие в основании той или иной конкретно-научной дисциплины [18, с. 45]. Региональная онтология *не сводится*

к теории познания и методологии той или иной науки. Данный тезис находит обоснование в фундаментальной онтологии Хайдеггера и философской герменевтике Гадамера. В «Бытии и времени» (1927) Хайдеггер подчеркивает, что феноменология истории как *региональная онтология исторического* имеет дело с историей в ее специфической «реальности», а не с историей, какой ее «знает» историография. Феноменологическая онтология имеет дело с историей, какой она предстает в *донаучном*, дотеоретическом, опыте соотнесенности человека со своим прошлым, а не с историей как объектом исторической науки [19, с. 202–205]. Региональная онтология исторического возможна до и без всякой историографии, т. к. само историческое сущее, для того чтобы быть историческим, не нуждается ни в какой историографии [20, с. 386]. Намеченная у Гуссерля и Хайдеггера и реализованная Гадамером и Рикером программа переосмысления традиционных философских дисциплин (в данном случае речь идет по преимуществу о *философии истории*) в качестве региональных онтологий созвучна сформулированной Шпетом задаче возрождения «положительной» философии.

Подведем итог. Понятие «отрицательной» философии в концепции Густава Шпета фиксирует влиятельную тенденцию, связанную с попытками свести философию к теории и методологии научного познания, лишив ее тем самым собственной предметной области. В сфере философско-исторического знания данная тенденция находит свое наиболее яркое проявление в двух методологических стратегиях – позитивистской и неокантианской. «Отрицательная» философия запрещает ставить вопросы о том, что такое история, взятая безотносительно к исторической науке, и что такое природа сама по себе вне зависимости от изучающих ее естественных наук.

В качестве продуктивной альтернативы методологизму и субъективизму «отрицательной» философии Шпет выдвигает проект обновления «первой философии» и интерпретации философии истории как феноменологической

онтологии. Этот проект органично вписывается в идейный контекст онтологического поворота, связанного с именами Э. Гуссерля, Н. Гартмана, М. Шелера, М. Хайдеггера.

Проводимое Густавом Шпетом различение двух типов философской рефлексии – «положи-

тельной» и «отрицательной» философии – представляет интерес не только в связи с задачей типологии историко-философского наследия, оно имеет существенное значение для самопонимания и самоопределения философии истории в современном – постметафизическом – контексте.

Список литературы

1. Щедрина Т.Г. Философско-методологический проект Густава Шпета: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. 260 с.
2. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
3. Калинин В. Густав Шпет: От феноменологии к герменевтике // Логос. 1992. № 5. С. 37–61.
4. Михайлов И.А. Идея герменевтической феноменологии // Филос. мысль. 2016. № 5. С. 1–15.
5. Кузнецов В.Г. Герменевтическая феноменология в контексте философских воззрений Г.Г. Шпета // Логос. 1991. № 2. С. 199–214.
6. Кузнецов В.Г. Роль герменевтической феноменологии в обосновании положительной философии Густава Густавовича Шпета // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: в 2 кн. Кн. I. 20–50-е годы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 374–414.
7. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Изд-во Высш. религиоз.-филос. шк., 2001. 446 с.
8. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
9. Демин И.В. Философия истории Генриха Риккерта: между метафизикой и постметафизикой // Филос. мысль. 2017. № 10. С. 65–82.
10. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–23.
11. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 512 с.
12. Микешина Л.А. Логика как условие и основание научной строгости исторического знания (Письмо Г.Г. Шпета Д.М. Петрушевскому 16 апреля – 6 мая 1928) // Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 28–57.
13. Пружинин Б.И. Семиотическая перспектива методологии гуманитарных наук // Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 57–66.
14. Оттавиано Дж. Г. Шпет: путь от феноменологии к герменевтике // HORIZON. Феноменол. исслед. 2013. № 2(1). С. 62–75.
15. Демин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара: Самар. гуманит. акад., 2017. 273 с.
16. Кузнецов В.Г. Логика гуманитарного познания // Философия и общество. 2009. № 4. С. 22–63.
17. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Междунар. журн. исслед. культуры. 2013. № 1(10). С. 93–108.
18. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академ. проект, 2009. Кн. 1. 489 с.
19. Демин И.В. Понятие «региональной онтологии» в контексте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Гуманит. и соц. науки. 2014. № 2. С. 202–205.
20. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

References

1. Shchedrina T.G. *Filosofsko-metodologicheskii projekt Gustava Shpeta* [Philosophical and Methodological Project of Gustav Shpet: Diss.]. Moscow, 2003. 260 p.
2. Gaydenko P.P. *Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskiy razum* [Scientific Rationality and Philosophical Reason]. Moscow, 2003. 528 p.
3. Kalinichenko V. Gustav Shpet: Ot fenomenologii k germenевtike [Gustav Shpet: From Phenomenology to Hermeneutics]. *Logos*, 1992, no. 5, pp. 37–61.
4. Mikhaylov I.A. Ideya germenевticheskoy fenomenologii [The Idea of Hermeneutic Phenomenology]. *Filosofskaya mysl'*, 2016, no. 5, pp. 1–15.
5. Kuznetsov V.G. Germenевticheskaya fenomenologiya v kontekste filosofskikh vozzreniy G.G. Shpeta [Hermeneutic Phenomenology in the Context of Gustav Shpet's Philosophical Views]. *Logos*, 1991, no. 2, pp. 199–214.
6. Kuznetsov V.G. Rol' germenевticheskoy fenomenologii v obosnovanii polozhitel'noy filosofii Gustava Gustavovicha Shpeta [The Role of Hermeneutic Phenomenology in Substantiating Gustav Shpet's Positive Philosophy]. *Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoy filosofii. XX vek. Kn. I. 20–50-e gody* [Philosophy Does Not End... From the History of Russian Philosophy. 20th Century. Book 1. 1920s – 1950s]. Moscow, 1998, pp. 374–414.
7. Heidegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii* [Key Problems of Phenomenology]. St. Petersburg, 2001. 446 p.
8. Rickert H. *Granitsy estestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatiy* [The Limits of Concept Formation in Natural Science]. St. Petersburg, 1997. 532 p.
9. Demin I.V. Filosofiya istorii Genrikha Rikkerta: mezhdru metafizikoy i postmetafizikoy [Heinrich Rickert's Philosophy of History: Between Metaphysics and Post-Metaphysics]. *Filosofskaya mysl'*, 2017, no. 10, pp. 65–82.
10. Kant I. Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane [Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose]. Kant I. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1966. Vol. 6, pp. 5–23.
11. Rickert H. *Filosofiya zhizni* [The Philosophy of Life]. Kiev, 1998. 512 p.
12. Mikeshina L.A. Logika kak uslovie i osnovanie nauchnoy strogosti istoricheskogo znaniya (Pis'mo G.G. Shpeta D.M. Petrushevskomu 16 aprelya – 6 maya 1928) [Logic as a Condition and Basis for Scientific Rigour of Historical Knowledge (G.G. Shpet's Letter to D.M. Petrushevsky of April 16 – May 6, 1928)]. *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie: u istokov semiotiki i strukturalizma* [Gustav Shpet and His Philosophical Heritage: The Dawn of Semiotics and Structuralism]. Moscow, 2010, pp. 28–57.
13. Pruzhinin B.I. Semioticheskaya perspektiva metodologii gumanitarnykh nauk [Semiotic Perspective of the Methodology of the Humanities]. *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie: u istokov semiotiki i strukturalizma* [Gustav Shpet and His Philosophical Heritage: The Dawn of Semiotics and Structuralism]. Moscow, 2010, pp. 57–66.
14. Ottaviano G. G. Shpet: put' ot fenomenologii k germenевtike [G. Shpet: A Way from Phenomenology to Hermeneutics]. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*, 2013, no. 2, pp. 62–75.
15. Demin I.V. *Semiotika istorii i germenевtika istoricheskogo opyta* [Semiotics of History and Hermeneutics of Historical Experience]. Samara, 2017. 273 p.
16. Kuznetsov V.G. Logika gumanitarnogo poznaniya [The Logic of Humanitarian Knowledge]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2009, no. 4, pp. 22–63.
17. Savchuk V.V. Fenomen povorota v kul'ture XX veka [The Phenomenon of Turn in 20th-Century Culture]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*, 2013, no. 1, pp. 93–108.
18. Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Moscow, 2009. Book 1. 489 p.
19. Demin I.V. Ponyatie "regional'noy ontologii" v kontekste germenевticheskoy fenomenologii M. Khaydeggera [The Concept of "Regional Ontology" in the Context of M. Heidegger's Hermeneutic Phenomenology]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2014, no. 2, pp. 202–205.
20. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, 1997. 452 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.103

Ilya V. Demin

Samara National Research University;
Moskovskoe shosse 34, Samara, 443086, Russian Federation;
e-mail: ilyadem83@yandex.ru

GUSTAV SHPET'S HERMENEUTIC PHENOMENOLOGY: ON THE WAY TO THE POSITIVE PHILOSOPHY OF HISTORY

This article analyses the interpretation of historical knowledge in the hermeneutic phenomenology of Gustav Shpet, emphasizing the distinction between two types of reflection: positive and negative philosophy. This distinction is essential for self-identification of the philosophy of history among other disciplines in the modern post-metaphysical context. According to Shpet, the essence of negative philosophy is in reducing the diversity of philosophical problems to the theory and methodology of scientific knowledge, while identifying philosophy as such with the philosophy of science. The most vivid example of this trend is neo-Kantianism. As a meaningful alternative to the methodology of neo-Kantianism, Shpet proposes a project for renewing the "first philosophy", in which the philosophy of history is reinterpreted in terms of hermeneutic phenomenology. Further, the article reveals the main disadvantages of Heinrich Rickert's philosophy of history as presented by Shpet. Guided by the principle of logical unity of science, Shpet rejects methodological dualism that is inherent to Rickert's views. Rickert's interpretation of the philosophy of history reduces it to the logic of historical cognition and methodology of historical science, while the latter becomes dependent on axiology. Shpet insists on a fundamentally different interpretation: he sees the mission of philosophy in preliminary disclosure of history as a specific reality and in explication of the "idea of history" that is constitutive of the field of historical existence. Shpet's criticism of Rickert's views does not mean a return to naively speculative "pre-critical" historiosophical reflections typical of the representatives of the French Enlightenment. The key pattern that sets Shpet's philosophy of history aside from the classical theories is the treatment of historical reality as semiotic and hermeneutic, i.e. subject to understanding and interpretation. Shpet's interpretation of historical knowledge and correlation between philosophy and the logic of history fits naturally into the ideological context of the ontological turn and can be placed on a par with the theories of Husserl, Heidegger, and Gadamer.

Keywords: *philosophy of history, historical cognition, Shpet's hermeneutic phenomenology, ontological turn, philosophical hermeneutics, semiotics of history.*

Поступила: 29.07.2018

Принята: 10.10.2018

Received: 29 July 2018

Accepted: 10 October 2018

For citation: Demin I.V. Gustav Shpet's Hermeneutic Phenomenology: On the Way to the Positive Philosophy of History. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 2, pp. 103–115. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.103